

Доктор философских наук, профессор Владимир Глаголев
МГИМО (У) МИД России UDK: 371.95
Москва ISBN 978-86-7372-148-4, 17 (2012), p.357-370
Оригиналан научни рад

СООТНОШЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ НОРМ И ЦЕЛЕЙ В ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблема соотношения нравственных констант и установок в творческой деятельности коренится в философской и общественно-гуманитарной мысли с глубокой древности. Эта деятельность дифференцировалась по мере своего развертывания в истории человечества. Сложившиеся к настоящему времени ее разновидности - медицинская практика, научное исследование неживой природы, работа с животными, - имеют специфические нравственные ограничения, касающиеся того, что оценивается этическим и неэтическим, безнравственным или находящимся на грани допустимого.

Не уходя далеко в глубину веков, приведем, тем не менее, несколько примеров, демонстрирующих ситуации, когда благое намерения прикладных исследований оказывались глубоко безнравственными в ходе своей реализации. Достаточно вспомнить изобретение доктора Ж.И. Гильотена, относящееся к началу 80-ых гг. 18 столетия. Как известно, он был озабочен усовершенствованием механического приспособления, позволяющего быстро и эффективно убивать на бойне крупных животных. Свой первоначальный проект он представил французскому королю Людовику XVI для одобрения и получения финансовой поддержки. Последний, как известно, во время, свободное от государственных дел и торжественных приемов, балов и других увеселений, увлекался слесарными работами, походя в этом на Петра I, турецких султанов и мусульманских правителей Индии, занимавшихся, в частности, ювелирным делом. Король и предложил доктору расположить лезвие убойной машины под острым углом, что обеспечивало большую эффективность разрезания живой плоти. Из бойни машина перекочевала на площадь в эпоху революции и оставалась во Франции (а затем и в Германии) узаконенным

орудием убийства конрреволюционеров, революционеров, уголовных преступников, приговоренных к смертной казни, и других категорий лиц, попавших под железную пята государства в качестве противников его режима. Ее эффективность в 1793 г. испытал на своей шее и сам король Людовик XVI.

Разумеется, нельзя отрицать значение усовершенствования, предложенного доктором Гильотеном, для повышения производительности на одном из участков переработки продукции животноводства. Но применение этого изобретения к людям – как всякое убийство беззащитного – не может не вызывать у нормального человека чувство боли, стыда, безысходности самой благой нравственной проповеди. Дискуссии об оправданности и целесообразности смертной казни остаются и в наши дни одним из эффективных способов поляризации общественного мнения по вопросам снижения криминогенности и применения наказания «по справедливости», в соответствии с мерой вины преступника. Применение же такой кары по политическим мотивам, в качестве средства устрашения возможных противников режима является одним из самых убедительных аргументов безнравственности государственно-охранительной деятельности. Об этом писал еще Л. Толстой, а также В.Г. Короленко в своих «Письмах» к А.В. Луначарскому. «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына убедительно продемонстрировал эту безнравственность в последней четверти 20 века. Сомнительны с нравственной точки зрения и работы над совершенствованием техники убийства. Газовые камеры и душегубки осуждены как орудие массового убийства. Их операторы занесены в категорию преступников против человечности. Но чем отличается от них мотивация применения фармакологических средств со смертельным исходом в американских тюрьмах, когда приводится в исполнение смертный приговор? Всего лишь деперсонализацией ответственности, подобно практике расстрела в 19 в., когда половина исполнителей стреляли холостыми патронами; или включения рубильника электрического стула одновременно тремя операторами – палачами.

Напомним обстоятельства убийства шестерых детей доктора Геббельса совместными усилиями семейного врача и их матери, Магды Геббельс: врач сделал инъекции

снотворного, а мама вкладывала ампулы с цианистым калием во рты спящих детей и сжимала детские челюсти, чтобы их зубы раздавили ампулу... Фантасмагорическая картина нравственного краха не только идеологии фашистского режима, но и глубинной извращенности психологических мотиваций фашистского способа чувствования и поведения.

Впрочем, извращенность эта – логическое продолжение известной сентенции французского короля-солнце: «После нас – хоть потоп!». Потоп в данном случае захлестнул и самую глубинную область человеческого смыслополагания – трепетное отношение к детской жизни. Она перестала быть высшей ценностью в угоду притязаниям на власть и силу власти. С их утратой в данном случае обесценилось и все остальное: матери Магды Геббельс не нужна была *любая жизнь* ее детей как следствие их неизбежной депривации победителями фашизма.

В своей автобиографической книге «Бодался теленок с дубом»¹ А.И. Солженицын вспоминает о встречах с А.Д. Сахаровым. Более всего его поразила рука академика, – «рука человека, сделавшего водородную бомбу»... Было бы слишком прямолинейно уподоблять противоречия биографии А.Д. Сахарова контрасту белого и черного мрамора, определившему смысловое содержание биографии Н.С. Хрущева в его надгробном памятнике работы скульптора Э. Неизвестного. Но контраст, несомненно, существовал. При всей уверенности как академика, так и широкого круга создателей мощнейшего термоядерного оружия страной советов. И отсюда – тот суеверный ужас и вместе с тем восторг от сопричастности к космической тайне, которые наполнили душу Солженицына при взгляде на руку Сахарова.

Конечно, создание водородного оружия для Советского Союза, противостоявшего в «холодной войне» западному миру, нельзя характеризовать только черным цветом. В творческой деятельности его создателей были импульсы острейшей интеллектуальной и технологической конкуренции, упоение успехом оригинальных решений и прорывов, ликование по случаю достигнутых результатов. Все как в песне, пародировавшей переживание космического успеха: «Хотя от перепоя не слушаются ноги / Ракета улетела / Налей еще стакан. / Мы кончили работу. / Пора опять в дорогу. / Пускай теперь охрипнет / Товарищ Левитан...» (Правда, А.Д. Сахаров был трезвенником, и ему были дики способы русской

национальной релаксации). Но порыв ликования успехом был свойственен и ему. В устной традиции сохранилось апокрифическое сообщение, что он предлагал взорвать на испытаниях водородную бомбу мощностью до 200 мегатонн, обдумывал возможности применения водородных торпед против портов потенциального противника. И будто бы в самой высокой инстанции ему ответствовали: «Что же вы такой кровожадный, Андрей Дмитриевич?! Половину Голландии затопит. Да и многие другие районы...».

Отметим, что мотивация секретных работ для государства всегда использовала аргументы патриотического долга, укрепления обороны, защиты интересов миллионов сотен людей, представлявший социалистический лагерь и его потенциальных союзников. Отказ от работы в этих направлениях мог позволить себе только человек огромной воли и мужества. Известен отказ Л.П. Капицы², который в письме к Сталину мотивировал свою позицию «грубостью» и «беспредельным авторитаризмом», а также профессиональной некомпетентностью суждению Л.П. Берия, стоявшего во главе атомного проекта. Другой пример – уход Л. Феокистова, разработчика водородного оружия, в разработку экологической проблематики в 80-ые гг., на излете советской власти³.

Применительно к образу Сахарова периода его правозащитной деятельности, участия в межрегиональной группе народных депутатов СССР, его работы на Съезде народных депутатов в 1989-1990 гг. и размышлений о будущем страны в многочисленных статьях и интервью, эпитет «кровожадный» воспринимается как еще один грязный мазок, направленный на дискредитацию гражданских позиций этого незаурядного человека. Удостоенного, напомним, Нобелевской премии мира.

Своеобразие его научной деятельности, протекавшей в первую половину жизни в условиях строжайшей секретности, позволяло несколько десятилетий самоустраняться от последствий применения ядерных технологий на поле боя и испытаний их эффективности на земле, в воде и в воздухе.

Наблюдатели отмечали, что увлеченность Сахарова научно-теоретической проблематикой выражалась внешне странно. Его отличала внешняя рассредоточенность, способность заниматься посторонними вещами на ответственных научных симпозиумах, теоретических

дискуссиях. Он то переговаривался с соседями, то писал записки участникам собрания, с которыми нельзя было разговаривать из-за отдаленности, то заглядывал в окно. Сидел беспокойно, делая много мелких движений. Но внезапно раздавался его голос: «Здесь ошибка в вычислениях!», «Этот вариант решения ошибочный, тупиковый!» Поскольку выступающие превосходно владели математическим аппаратом соответствующих разделов физики (а обсуждалась ответственейшая проблема, к тому же, как правило, весомая с точки зрения финансовых и технологических затрат), вероятность ошибки казалась немыслимой. Но академик настаивал: «Ошибка, ошибка!». При пересчетах она действительно обнаруживалась со всеми вытекавшими последствиями ложного трека научной мысли и его технологической реализации.

Некоторые наблюдатели считают, что способность внутренне включаться в самостоятельный обсчет любой обсуждаемой проблемы сформировалась у А.Д. Сахарова благодаря усилиям его отца, автора известных школьных учебников, привившего своему сыну вкус и способность к решению физико-математических задач. В какой-то мере его жизнь в мире формул напоминает описанное В.В. Набоковым духовное состояние своего главного героя – шахматиста в повести «Защита Лужина». В Московском университете А.Д. Сахаров прошел школу теоретической физики, возглавлявшуюся в то время Л.Д. Ландау, отличавшегося динамичным, подчас парадоксальным применением аппарата физико-математических формул. Последующая работа в г. Сарове в качестве теоретического разработчика оптимальной модели водородной бомбы, преодолевшей усложненные технологические решения, предложенные несколько ранее Э. Теллером, - создателем американского водородного оружия, - также способствовали доминированию в сознании ученого условностей уравнений и формул в качестве устойчивого мира духовной жизни. Отличаясь внутренней стройностью, организованностью, этот мир вполне мог быть самодостаточным: он находился «по ту сторону добра и зла» и символизировал постижение тайн природы, равнодушных к судьбе людей и чрезвычайно заманчивых непреклонностью, космической обусловленностью царящих в нем процессов и отношений. Однако проблема влияния радиоактивных осадков на генофонд человечества достаточно быстро разрушила

герметичность этого духовного состояния. В своих мемуарах А.Д. Сахаров⁴ описывает поразившие его результаты вычислений лавинообразного нарастания генетических деформаций в результате радиоактивного облучения, создаваемого «отходами» ядерных испытаний в трех средах. Он забил тревогу, обращаясь к коллегам и в самые высокие инстанции Советского Союза с предложениями о срочном подписании соглашения между СССР, США, Англией и Францией об отказе от испытаний ядерного оружия в трех средах. Общение с партийно-бюрократической номенклатурой высочайшего ранга не могло не раскрыть ему глаза на то, в чьих руках находится судьба страны и каким рискам она подвергается. Договор был в конце концов подписан. А разрушенная герметичность самодостаточного мира физико-математических символов и уравнений привела Сахарова к правозащитной деятельности, составлению проектов конвергенции, а затем и к разработке правовых основ того почти идеального государства, в которое должен трансформироваться Советский Союз под влиянием демократических преобразований. Проекты подобного рода не новы в истории России. Достаточно вспомнить религиозно-нравственную проповедь Л.Н. Толстого, технологические утопии А.А. Богданова и даже социальную фантастику Н.И. Бухарина, не завершенную во время годового пребывания автора в Лубянской одиночке. Сюда же следует отнести и проект А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?» (20-летие его появления вызвало оживленное обсуждение степени точности социальной диагностики автора и его просчетов)⁵. Они не являются рецептами социального и нравственно-политического исцеления, не могут быть учебником выстраивания реальных общественных процессов. В то же время, они выполняют функцию поискового характера, и, являясь принципиально неосуществимыми, высвечивают те стороны общественной действительности, которые нуждаются в «сдержках и противовесах» в трансформациях и, в определенных случаях, должны быть безусловно устранены.

Мотивы и цели этой деятельности нравственно оправданы, поскольку они ориентированы на развитие социального взаимодействия как больших групп людей, так и отдельных личностей; на творческое сотрудничество в преодолении тех опасностей, которые сопровождают

повседневную жизнь человечества в настоящее время и могут усилиться в ближайшем будущем.

В профессиональной этике научно-практической деятельности подробно проработаны те совокупности обстоятельств, которые могут оправдать (или, по крайней мере, объяснить) нарушение сложившихся нравственных требований в конкретных ситуациях. Здесь недопустимо присвоение чужих результатов (разновидность плагиата и воровства научно-технической идеи), их фальсификация (не только в интересах возвеличивания личности автора либо представляемой им группы сотрудников, но и для проставления величия страны), использование клеветнических утверждений для дискредитации конкурентов и т.д. Особой разновидностью аморальной деятельности здесь часто выступает демонстрация возможностей быстрого и относительно дешевого способа реализации целей, поставленных заказчиками. Критичность – составная часть профессиональной этики исследователя и инженера. Использование этого инструмента является одним из условий создания адекватной картины наблюдаемых процессов и характера функционирования создаваемых технологий. В то же время некритическое преувеличение возможностей последних – путь к обману, целью которого, как правило, является льготное финансирование, получение дефицитных материалов и оборудования «вне очереди», обеспечение «утечки мозгов» из лагеря конкурентов и т.д. Зрелые работники теоретических и прикладных наук знают об этих приемах, но далеко не всегда проявляют достаточную твердость характера и волю, чтобы добровольно отказаться от связанных с ними возможностей и привилегий.

Нравственные ограничения неизбежно накладываются на профессиональную деятельность крупного политика или дипломата. Ее специфика лаконично выражена в оценке деятельности теоретика ее проблематики итальянского классика политической науки Н. Макиавелли. О нем писал поэт Кардуччи⁶: «Чистую мечту вынашивал Макиавелли скорбный...». Чистая мечта – стартовое условие любой личности, начинающей свой жизненный и профессиональный путь, если ей с детства внушена более или менее целостная система нравственных ориентиров. Иначе «стартуют» будущие политики, привлеченные возможностью стремительной

карьеры, быстрого обогащения, манипулирования сознанием и поведением окружающих.

Нравственная деформированность подобных личностей – чрезвычайно опасный фактор; его последствия могут латентно сохраняться длительное время и давать неожиданные результаты. Так, молодому офицеру, выходящему из стен офицерской школы французские кадровики записали в аттестацию: «Тщеславен, не имеет твердых убеждений. Использование на должностях старше бригадного генерала (чин полковника во французской армии 80-ых гг. 19 века) нецелесообразно». Офицер проявил стойкость и инициативу, спасая Париж от наступающих немцев, отличился в качестве организатора обороны Вердена и достиг высших чинов во французской армии. О предупреждении кадровика более чем 60-летней давности вспомнили, когда судили маршала Петэна за измену государственным интересам страны: он вступил в отношения сотрудничества с гитлеровскими оккупантами и поддерживал их в 1940-1944 гг.

«Чистая мечта» является той привлекательной силой, под знамена которой стекаются добровольные сотрудники и помощники. Под знаком «чистой мечты» формируются политические движения, религиозные течения. Партии и многие массовые организации. Чистота заявленных помыслов привлекала и будет привлекать новые поколения, вступающие в жизнь. Но дальше начинаются балансы политических расчетов, прагматических союзов, необходимость нейтрализации потенциальных противников заверениями и обещаниями, выполнение которых невозможно либо отвратительно всей натуре заверяющего и обещающего. Но тут – как в песне В. Высоцкого: «Надо, Федя!». И, как следствие, изначально чистые мечты трансформируются в действия, сомнительные с моральной точки зрения и просто аморальные.

В политике и дипломатии «ложь во спасение» или намеренная недоговоренность являются условиями профессионального успеха. Результаты его могут иметь позитивное (или негативное) значение для человечества в целом, для больших общественных групп, населения крупных государств и т.д. Отсюда – отмеченная Кардуччи необходимость вынашивания «чистой мечты» и «скорбность» по поводу нравственного состояния тех средств, с помощью которых она реализуется. И это, разумеется, у совестливого

политика, не утратившего исходное предощущение нравственной чистоты своих целей и помыслов. Обреченный работать с теми людьми, на которых приходится опираться и с которыми приходится сотрудничать, он не может посвятить свои силы и свое время их нравственной переориентации, - а тем более, нравственному перевоспитанию. («Других писателей у меня для вас нет», - говорил Сталин партийному функционеру А.С. Щербакову, пожаловавшемуся «вождю народов» на пьянство, разврат и доноительство, пышным цветом развернувшиеся в среде «инженеров человеческих душ»). Отсюда следовало недвусмысленное – работайте с теми, которые есть, или мы заменим вас тем, кто будет работать с ними. Объективные рамки хронического цейтнота как типичного условия деятельности политика предопределяют работу с теми, кто есть. Или – срочную замену их послушными исполнителями, спектр нравственных качеств которых укладывается в личную преданность.

Динамика партийно-государственной номенклатуры Советского Союза, обстоятельно описанная М. Восленским⁷, равно как и принципы кадрового подбора в постсоветской России за последние 20 лет, свидетельствуют о доминировании данной тенденции. Личная преданность дает основания закрывать глаза на коррупционеров. И обратно, демонстрация нелояльности – основание к использованию всех инструментов «вертикали власти» для изоляции шагнувшего не в ногу.

Чрезвычайно сложна проблема нравственных ограничений в творческой деятельности людей искусства. Прежде всего, потому, что позиция Фомы Неверующего и стремление художника «уйти в глубины» или выйти за пределы ограничений, уже наложенных общественным мнением на практику работы с художественными образами, является постоянной тенденцией содержательной жизни искусства. Готовность бесстрашного разрушения барьеров, считавшихся незыблемыми еще вчера – одно из условий того «вложения перстов в раны», без которого невозможно последовательное образное исследование действительности. Человек искусства (если обратиться к биографическим данным) часто ведет себя неправильно с точки зрения повседневной морали. Как писал Б. Пастернак о личности этого типа: «...Но для первой же юбки / Он порвет повода./ И какие поступки / Совершит он тогда?». По словам А.С.

Пушкина⁸, толпа судит о гении, отыскивая в нем черты и качества, характерные для ее уровня. Отсюда – пушкинский акцент на том, что гений в искусстве не подобен человеку из толпы: прежде всего, по масштабу своего видения людей и способности воплотить это видение в своих произведениях. Кроме того, экстравагантности в жизни ряда людей искусства отнюдь не перевешивают среднестатистической «добродетельности» основной массы их представителей. Несомненно одно – люди искусства до тех пор принадлежат к категории личностей, отличающихся нестандартным поведением. По крайней мере, до тех пор, пока они остаются ищущими. Здесь возможно – один из источников конфликтогенности в этой среде, повышенной требовательности к человеческим качествам и драматических разрывов с теми, кто обнаружил (подчас мимоходом) несоответствие высоким стандартам. Автобиографические и биографические сведения о людях искусства переполнены подобными ситуациями.

Общественное мнение как правило строго к наемным работникам, поставленным защищать имущественные интересы сограждан. Поэтому для профессионального юриста нарушение общепринятых нравственных норм недопустимо – стражи закона (как жена Цезаря) должны быть вне подозрений. Это влечет за собой корпоративную закрытость юридического (как, впрочем, клерикального и медицинского) сословия. Корпоративная замкнутость – один из инструментов сохранения «белых одежд». В своей среде отступления от нравственных требований сравнительно легко прощаются, если не посягают на имущественные, статусные, авторитарные основы корпорации. Как заметил своим подчиненным в свое время один из видных православных иерархов, «ваши грехи интересуют меня лишь тогда, когда они вредят вашей работе». Аналогичная картина наблюдалась в среде партийно-государственной номенклатуры, для которой считался недопустимым развод и судебные имущественные иски. Допустивший данное отступление от принятого общего правила немедленно терял свои привилегированные позиции и отправлялся, как говорили, «на низовку» (низовую работу).

Ясно, что нравственные прегрешения недопустимы в общественном мнении для педагога, участвующего не только в трансляции знаний, но и в формировании личностей нового поколения. Педагоги находятся всегда под двойным

контролем. С одной стороны, своих воспитанников, а с другой – родителей. Отметим, что на этой категории граждан государство апробирует свои проекты эффективного контроля и манипулирования сознанием. Отсюда – непререкаемость инструкций вышестоящих органов, спускаемых рядовым педагогам в государственной системе образования. Частные же системы этой деятельности следуют религиозным и иным стандартам, обусловленным авторитарной волей спонсорских структур, требующих убедительных отчетов об эффективности педагогических проектов.

Что же касается целей морали, то их прямая связь с реализацией творческого потенциала личности, ее задатков и возможностей, представляется очевидной. Прежде всего, речь идет о планке нравственных требований. Как писал Л.Н. Толстой, когда плывешь к цели по реке с сильным течением на противоположный берег, надо грести не прямо к намеченной точке, а к точке, находящейся выше нее, - т.е. плыть против течения. В реализации высоких нравственных целей закаляется характер, укрепляется воля. Здесь складывается сообщество союзников и единомышленников, - не по ситуационным основаниям или расчетам личной выгоды, а по стремлению изменить жизнь к лучшему, создать новый, более благоприятный климат для труда, быта и совместной жизни людей. Для достижения взаимопонимания, создания условий для совместной работы с группами людей других культур и религий, разделяющих сходные идеалы. Высокие нравственные установки, последовательно утверждаемые в меняющихся жизненных обстоятельствах, являются, на наш взгляд, важнейшей составляющей творческого развития личности, - т.е. конкретных проявлений ее задатков и способностей. Без взаимодействия со сложными условиями жизни и утверждением в них идей и принципов, соответствующих жизнеспособному нравственному идеалу, творческая личность оказывается в искусственной нежизнеспособной среде. Эта среда, в отличие от культуры, может порождать разнообразные логические проекции и их анимационное воплощение, вроде разнообразных фэнтези и ужасиков. Но последние – паразиты на теле плодотворных достижений культурной жизни человечества.

Владимир Глаголев

МГИМО (Универзитет) МИД Русије,
катедра за филозофију (Москва, Русија)
silvari@mail.ru

ОДНОС МОРАЛНИХ НОРМИ И ЦИЉЕВА У СТВАРАЛАЧКОЈ ДЕЛАТНОСТИ

Проблем односа моралних константи и принципа у стваралачкој делатности има свој корен у давној прошлости. Та делатност се диференцирала у оној мери како се развијала у историји човечанства. У наше време њени различити аспекти – медицинска пракса, научно истраживање неживе природе, рад са животињама – имају специфична морална ограничења у вези с тим што се оцењује као етично или неетично, неморално или се налази на граници допуштеног.

У професионалној етици научно-практичне делатности темељно су проанализирани они чиниоци који могу оправдати (или у крајњој мери објаснити) нарушавање сложених моралних захтева у конкретној ситуацији. Потпуно другачији карактер имају морална ограничења кад је реч о професионалној делатности неког великог политичара или дипломате. Овде, на пример "лаж као спас" или намерна недореченост често је услов професионалног успеха, чији резултати могу имати позитивно (или негативно) значење за човечанство у целини, за велике друштвене групе, становништво великих држава итд.

Необично је сложен проблем моралних ограничења у стваралачкој делатности уметника. Пре свега стога, што позиција неверног Томе и тежња уметника да "зађе у дубину" или доспе иза граница ограничења, која су већ дата општим јавним мњењем кад је реч о практичном раду с уметничким формама, јесте постојана тенденција садржајног живота уметности. Спремност да се бескомпромисно руше баријере, које су сматране до јуче неприкосновеним, један је од услова тог "стављања прста у рану", без којег је немогуће систематско уметничко истраживање стварности. Човек уметности (ако се имају у виду биографске чињенице) често неправилно поступа гледано са становишта свакодневног морала.

Напротив, за професионалног правника, нарушавање општеприхваћених моралних норми је недопустиво – страже закона (као жена Цезара), морају бити ван сваке сумње.

Јасно је, по друштвеном мњењу, недопустиво је кршење моралних норми од стране педагога, који учествује не само у преношењу знања, но и у формирању личности новог поколења.

Што се тиче циљева морала, њихова непосредна веза с реализовањем стваралачког потенцијала личности, њених задатака и могућности, јесте очевидна. Пре свега, ту је реч о висини моралних захтева. Као што је писао Лав Н. Толстој када препливаваш реку која

има брз ток, не треба пливати ка тачци коју као циљ видиш на другој страни, већ изнад ње, тј. треба пливати против струје. У реализовању високих моралних циљева кали се карактер, учвршћује воља. Ту се ствара заједница савезника и истомишљеника – не на основу тренутног стања ствари или на основу процене личне добити, већ с намером да се живот учини бољим, да се створи боља, пријатнија клима за рад, бивствовање и заједнички живот с другима, као и за постизање узајамног разумевања и створања услова за рад с групама људи различитих култура и религија, који деле сличне идеале.

Високи морални принципи, који се доследно утврђују у променљивим животним условима, по нашем мишљењу, јесу најважнија компонента стваралачког развоја личности, тј. конкретних манифестација њених задатака и способности. Без узајамног прожимања са сложеним условима живота и реализовања у њима идеја и принципа који одговарају виталном моралном идеалу, стваралачка личност се показује у вештачкој средини непогодној за живот. Та средина, за разлику од културе може створити различите логичке пројекције и њихове анимационе реализације попут разноврсних филмова ужаса или фантастике. Но, ово последње само паразитира на телу плодотворних достигнућа културног живота човечанства.

Vladimir Glagolev
MGIMO (University) MID Russia,
Philosophy Department
Moscow, Russia

THE RELATION BETWEEN MORAL NORMS AND AIMS IN CREATIVE WORK

The problem of the moral constants and principles relation in creative work has its roots in distant past. The activity has differentiated to the extent it has developed in the history of mankind. At present moment, its various aspects – medical practice, scientific research on non-living nature, work on animals – have specific moral limitations regarding what is assessed as ethical on unethical, amoral or it is on the edge of acceptable and allowed.

In professional ethics of scientific-practical activity those factors that can justify (or to a point explicate) the violation of complex moral demands in concrete situations have been thoroughly analysed. When it is about professional work of a great politician or a diplomat, moral limitations have completely different character. In this case, for example, “a lie as an escape” or liberate ambiguity is often a condition of professional success, whose results can have positive (or negative) meaning for the mankind on the whole, for numerous social groups, citizens of great states, etc.

The issue of moral limitations in creative work of artists is exceptionally complex problem. Before all, the position of a doubting Thomas and the aspiration of an artist to “get deeper” or reach beyond the limits of limitations already proscribed by general public opinion when it is about practical work with artistic

forms, is a persistent tendency of substantial art life. The readiness to uncompromisingly tear down the barriers until yesterday considered to be inviolable, is one of the conditions of “rubbing salt in the wound”, without which it is impossible to systematically examine reality as an artist. The man of art (if we have in mind biographical facts) often acts inappropriately from the standpoint of everyday morality.

On the other hand, for a professional lawyer, the violation of generally accepted moral norms is unacceptable – the guards of the law (like Caesar’s wife) have to be beyond any doubt.

According to social standpoint it is clear that the violation of moral norms by pedagogues, participating not only in knowledge transfer, but also in the formation of personalities of new generations.

As for the aims of morality, its immediate correlation with the realized personal creative potentials, its tasks and possibilities are obvious. Before all, we are talking about high moral demands. As it was written by N. Tolstoy, when you are swimming across the fast river, you are not to swim towards to point you as an aim see at the other side, but above it, i.e. you are to swim against the current. In realization of high moral aims character is hardened and will is empowered. This is where the community of allies and those thinking in the same way is created – not according to the current state of affairs or according to the evaluation of personal gain, but with the intention to make life better, to create better, more pleasant working climate, cohabitation and life with others, as well as to reach mutual understanding and create conditions for work with groups of people belonging to various cultures and religions and who share similar ideals.

According to our opinion, high moral principles, consistently established in the changing life conditions are the most significant component of creative personal development, i.e. of concrete manifestations of its one’s tasks and principles. Without mutual interconnected and permeation with the complex life conditions and realization of ideas and principles suitable for vital moral idea, creative personality is seen in artificial setting unfavourable for life. Such an environment, unlike culture, can create different logical projections and their animation of realization like the variety of horror or science-fiction films. Nevertheless, the latter is only a parasite on the body of fruitful achievements of the cultural life of the mankind.

¹ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. М., 1996.

² Балдин А. М. и др.: Пётр Леонидович Капица. Воспоминания. Письма. Документы. Б.г.

³ Лев и атом. М., 2003.

⁴ Сахаров А.Д. Воспоминания. Полное издание в одном томе М., 2011.

⁵ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения. Л., 1990.

⁶ Кардуччи Дж. Избранные стихи. М., 1950.

⁷ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

⁸ Пушкин А.С. Поэт и толпа. Соч. В 2. Т.т. М., 1959.